

Воспоминанія стараго педагога ¹⁾).

„Въ жизни отдѣльныхъ лицъ, какъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ, встрѣчаются извѣстные предѣлы, при достиженіи которыхъ принято съ благодарностью обращаться къ пройденному пути и въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ искать новыхъ силъ, новаго возбужденія къ новымъ трудамъ“.

(Рѣчь московскаго профессора Н. А. Попова на юбилей Погодина).

I.

Автобіографическія свѣдѣнія. — Мое рожденіе и происхожденіе. — Смерть отца.—Жизнь у дѣда: зимою и лѣтомъ.—Холера 1831 г.—Смерть няньки.—Учитель полякъ.—Мои пчеловодные подвиги.—Болѣзнь.—Начало ученія.

Родился я 17-го февраля 1826 года, въ двухъ верстахъ, возлѣ селенія Лѣпяваго, Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, въ хуторѣ Германивщинѣ, въ домѣ, окруженномъ лѣсомъ. Мой родъ производятъ отъ жившаго во время Петра В. малороссійскаго полковника Андріяша, богатаго человѣка, имѣвшаго въ нынѣшнемъ Лохвицкомъ уѣздѣ цѣлое селеніе Андріяшевку. Я, однако, достовѣрно знаю, что бли-

¹⁾ Алексѣй Ѳомичъ Андріяшевъ былъ директоромъ 1-й Кіевской гимназіи 28 лѣтъ, былъ сотрудникомъ извѣстнаго Николая Ивановича Пирогова, какъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Пироговымъ же за статьи о воспитаніи былъ выдвинутъ и отличенъ. Для юго-западнаго края Ал. Ѳом. сыгралъ очень важную роль, какъ распространитель русскихъ началъ и просвѣтитель русскаго народа, въ краѣ, который въ 60-хъ годахъ былъ совершенно ополяченъ. Для просвѣщенія народа А. Ѳ. издалъ и составилъ массу народныхъ книгъ и предпринялъ изданіе „Кіевскаго Народнаго Календаря“, кот. насчитываетъ 47 лѣтъ своего существованія. Онъ вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ К. К. Гротомъ первымъ въ Россіи явился дѣятелемъ на пользу слѣпыхъ, основавъ въ г. Кіевѣ сначала попечительство и убѣжище слѣпыхъ, а затѣмъ училище слѣпыхъ. Въ послѣдніе годы жизни, увлекшись пчеловодствомъ, А. Ѳ. Андріяшевъ устроилъ на свои средства единственную въ Россіи школу практическаго пчеловодства. *Ред.*

жайшій мой родоначалникъ былъ простой, но зажиточный казакъ с. Лѣпляваго. Дѣдъ мой, Петръ Андріяшъ, имѣлъ двухъ сыновей Карпо и Оому. Старшій Карпо остался на хозяйствѣ и сохранилъ свою родовую фамилію Андріяша. Отецъ мой Оома во время присоединенія Каменецъ-Подольской губерніи къ Россіи отправился на службу въ г. Каменецъ-Подольскъ и для большей важности къ своей фамиліи прибавилъ по тогдашней модѣ *sz* и такимъ образомъ, вмѣсто Андріяша, началъ называться Андріяшевымъ. Лишился я отца на четвертомъ году жизни и знаю его только по рассказамъ людей, что онъ любилъ очень пчелъ и кормилъ подъ осень медомъ своихъ работниковъ, за что послѣдніе его очень хвалили; а отъ матери слышалъ, что онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ на ея попеченіи пятерыхъ дѣтей: четырехъ сыновей, изъ которыхъ я самый младшій, и одну дочь—мою сестру, Марью, не имѣвшую и году во время кончины отца.

Первые годы дѣтства провелъ я внѣ родительскаго дома; такъ какъ, похоронивъ мужа, мать отправила меня на жительство къ своему отцу, а моему дѣду, помѣщику Алексѣю Максимовичу Анисимову. Здѣсь, однако, ожидали меня не большія радости. Дѣдъ мой былъ дѣлецъ, адвокатъ стараго закала и великій юристъ; онъ поглощенъ былъ своими бумагами, требуя полнѣйшей тишины въ комнатѣ. Бабушка была постоянно больна и почти не оставляла постели. „А бидне дитя“, какъ она выражалась неоднократно, т. е. я, долженъ былъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ бабушкиной комнатѣ, не смѣя выйти; потому что приходилось переходить чрезъ комнату, въ которой дѣдушка писалъ. Иногда, впрочемъ, добрая бабушка позволяла выйти на дворъ. Я тогда былъ въ восторгѣ и старался тихонько прокрасться чрезъ дѣдушкину комнату и убѣжать въ кухню, гдѣ сидѣла обыкновенно на печи старая баба Наталка, родоначалница почти половины дѣдушкиныхъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Гордовыхъ. Баба Наталка живо помнила времена еще не давней въ то время свободы и горько жаловалась на закрѣпощеніе малороссійскими панами подсусидковъ. Она постоянно упрекала своего отца, что сдѣлался подсусидкомъ у стараго пана, какъ она говорила, разумѣя въ этомъ случаѣ моего прадѣда сотеннаго лѣплявскаго писаря Максима Писаренка, или по-книжному Анисимова. Рассказывала баба Наталка, какъ мой дѣдъ Алексѣй Максимовичъ подсусидковъ, нехотѣвшихъ идти въ неволю, держалъ въ колодахъ въ ямѣ и какъ послѣ заставилъ ихъ копать ставокъ или прудъ. Съ чувствомъ соболѣзнованія я выслушивалъ длинные рассказы, или лучше печальныя воспоминанія бѣдной старухи. Еще болѣе меня занимали сказки бабы Наталки: про жарь-птицу, про

разбойника Гаркушу и проч. Бывало, сидишь на печи, около бабы Наталки, слушаешь и млѣешь отъ страха. Жутко и страшно, а все-таки хочется слушать....

Къ сожалѣнію, мое пребываніе въ кухнѣ не могло быть продолжительнымъ. Бабушка, боясь вѣроятно, чтобы дѣдушка не былъ въ претензіи, что я провожу время въ кухнѣ, послала горничную Явдоху привести паныча въ горницы. Меня уводили въ комнаты, и я долженъ былъ опять принять свою неподвижную позу. Такъ проходили скучные зимніе дни. Нѣсколько веселѣе проводилось лѣто въ саду, въ которомъ я любилъ играть по цѣлымъ днямъ, по возможности, въ укромныхъ уголкахъ сада, чтобы не попадаться на глаза старикамъ. Вообще говоря, жизнь у дѣдушки мнѣ не совсемъ нравилась, такъ какъ припоминаю, что въ каждый прїѣздъ матери я просился домой, а разъ для убѣжденія моей весьма безгливой матери придумалъ даже такой аргументъ, что у меня завелись въ головѣ вши. Жалоба моя не подтвердилась, ибо Явдоха чуть не каждую недѣлю мыла исправно мою голову. Тѣмъ не менѣе мать, разсмѣявшись, взяла меня домой.

Это было лѣтомъ 1831 г., а подъ осень посѣтила Россію страшная гостья — холера. Помню я изъ этой смутной эпохи не много. Знаю только, что около этого времени умерла наша няня баба Марьяна; но кажется не отъ холеры, а больше отъ старости. Добрая была женщина эта старушка. Она вѣчно возилась съ нами, какъ курица съ цыплятами. Живо представляю себѣ эту худенькую, маленькую, сгорбленную женщину, которая сопровождала насъ во время прогулокъ въ окружавшемъ нашъ домъ лѣсу, съ немалымъ каждый разъ запасомъ пшенички (кукурузы), или коржиковъ съ макомъ и другихъ не менѣе прелестныхъ вещей, которыми она любила обдѣлывать дѣтей во время прогулки. Послѣ холеры мать начала поговаривать объ ученіи моихъ старшихъ братьевъ: Василія и Николая. Сначала для обученія ихъ приглашенъ былъ изъ Лѣпляваго дьякъ по фамиліи Муссіаха. Чему онъ училъ братьевъ, я, разумѣется, не понималъ; но, вѣроятно, мать убѣдилась, что съ дьячковской науки не будетъ проку, потому что скоро начала хлопотать о наймѣ учителя. Вскорѣ изъ Канева привезли учителя-поляка Бенькевича. Вступилъ онъ, какъ кажется, въ свою должность лѣтомъ. По крайней мѣрѣ мнѣ живо припоминается такая картина: мать постоянно отлучалась изъ дому, то къ косарямъ, то къ жнецамъ, то въ пасѣку, которая лѣтомъ всегда вывозилась подъ гречки версть за десять отъ дому, то наконецъ отправлялась на ярмарки въ Каневѣ или въ ближайшихъ мѣстечкахъ. Старшіе братья, должно быть, не слишкомъ слушались своего юнаго учителя, да и самъ

учитель не слишком хлопоталъ объ обученіи *прилежательныхъ* маленькихъ москалей. Жизнь въ отсутствіе матери складывалась такъ, что дѣти гуляли сами по себѣ, а учитель сидѣлъ за книгой. Сколько помнится, онъ любилъ читать какія-то книги историческаго содержанія, въ которыхъ описывались пораженія русскихъ и побѣды поляковъ. Помнится также, что учитель любилъ рассказывать старшимъ братьямъ о томъ, что вычиталъ въ своихъ книжкахъ. Братья, повидимому, мало вѣрили своему учителю. По крайней мѣрѣ нерѣдко затѣвали съ нимъ споры по поводу рассказаннаго. Учитель сердился. Я въ то время былъ не болѣе семи лѣтъ, но тоже былъ на сторонѣ братьевъ и думалъ, бывало, какъ поляки могли побѣждать русскихъ, когда самъ Бенькевичъ страшный трусъ и боялся, какъ огня, моей строгой матери. Не удалась, какъ видно, наука Бенькевича. Мать рассчитала учителя и отдала старшихъ братьевъ въ Каневское училище, а для насъ меньшихъ взяла учительницу, которая, впрочемъ, скоро уѣхала къ роднымъ. Мы съ братомъ Михаиломъ остались на свободѣ, едва успѣвши познакомиться съ буквами и дойти до складовъ. Все время мы проводили въ пасѣкѣ и за отсутствіемъ пасѣчника нерѣдко оставались одни. Припоминаю одинъ случай, который доказываетъ, какъ хорошо мы съ братомъ хозяйничали. Мы замѣтили возлѣ пасѣки кучи муравьиныя и рѣшились извести со свѣта негодныхъ наѣздниковъ, которые, пробираясь въ ульи, безпокоили пчель. Рѣшили выжечь муравьевъ, наложили на муравьиныя кучи сухихъ листьевъ и вѣтокъ, выкрасали огонь и зажгли. Пламя быстро охватило сухой листъ и, затѣмъ гонимое вѣтромъ, направилось прямо къ ульямъ. Напрасно мы съ братомъ старались потушить пожаръ. Огонь уже охватывалъ огорожу возлѣ пасѣки, когда на нашъ крикъ сбѣжались люди, работавшіе недалеко на гумнѣ.

Дѣло было возлѣ хутора дѣдушкина, называвшагося Краснымъ Кутомъ. Молотники прибѣжали съ метлами и лопатами и скоро успѣли потушить пожаръ; но, повидимому, не очень распространялись о случившемся несчастіи. Вѣроятно, такъ и не донесли старому пану, т. е. нашему дѣду, о происшествіи; такъ что благодаря такой скромности, намъ удалось избавиться отъ достойнаго возмездія. Въ тотъ же день вечеромъ мать забрала насъ домой. Мы со страхомъ ждали наказанія; но мать, хотя и знала о нашей шалости, но, поглощенная, вѣроятно, другими болѣе важными дѣлами, оставила насъ въ покоѣ; все обошлось благополучно, и наши страхи разсѣялись.

Другое несчастіе обрушилось на меня лично. Было дѣло лѣтомъ на вакаціяхъ, когда и старшіе мои братья были дома. Мать при-

везла насъ въ пасѣку, а сама отправилась куда-то по дѣламъ на довольно продолжительное время. Мы поснимали сапоги и начали гулять на зеленой лужайкѣ возлѣ пасѣки. Въ это время что-то ужасное укусило меня за ногу. Говорили тарантуль. Я, однако, даже не почувствовалъ особой боли или, быть можетъ, гуляя въ азартѣ, боли не замѣтилъ. Но ночью нога страшно распухла и покрылась длинными и торчащими черными волосами. Малѣйшее прикосновеніе къ опухоли производило невыносимую боль. Я залегъ въ постель на цѣлые мѣсяцы и едва поднялся на ноги зимой. Живо припоминаю это печальное для меня время. Бывало, лежишь въ комнатѣ одинъ одишеченекъ. Кругомъ мертвая тишина, только изрѣдка раздастся жужжаніе мухи. Тоска страшная. Такъ прошло лѣто и наступила осень. Болѣзнь моя наконецъ разрѣшилась катастрофой. Нарывъ, долго мучившій меня, прорвался, пошла сильно кровь; ничѣмъ не могли остановить ее. Лѣкаря далеко было искать, привезли фельдшера, ничего не помогъ. Пришлось обратиться къ знахарю, который, какъ говорили, умѣлъ заговаривать кровь. Знахарь что-то пошепталъ надъ тряпочкой у печки, приложилъ къ больному мѣсту эту тряпку, и кровь сразу остановилась.

Страшная и мучительная болѣзнь, приковавшая меня къ постели на цѣлые мѣсяцы, служить какъ бы гранью моей беззаботной дѣтской жизни. Мы купили букварь Кіево-Печерской лавры на славянскомъ языкѣ, но пока учили урывками. Помню, однако, что азбуку я выучилъ безъ труда, прошелъ и склады. Но стали камнемъ преткновенія титла и словотитла. Некому было объяснить, а самъ я никакъ не могъ взять въ толкъ, почему напечатано Апль, а нужно читать апостоль, или стый, а надо читать святой, или напечатано снъ, а надо читать сынъ, а не сонъ и проч. Долго оставалось мое ученіе въ нерѣшительномъ положеніи, пока мать не отправилась въ Переяславъ и не привезла богослова, который долженъ былъ окончательно приготовить меня и брата Михаила къ поступленію въ школу. Не разсуждая долго, мой учитель не сталъ заниматься съ нами по букварю, а прямо посадилъ насъ за псалтирь. Началось ученіе въ высшей степени для меня тягостное, такъ какъ я не успѣлъ еще одолѣть букваря и долженъ былъ взяться за псалтирь. Тѣмъ не менѣе учитель не унывалъ и къ концу вакацій объявилъ матери, что намъ нечего будетъ дѣлать въ фарѣ или въ самомъ низшемъ классѣ духовнаго училища, но что мы приготовлены къ поступленію прямо въ инфиму или во второй классъ.

II.

Моя школьная жизнь въ духовныхъ училищахъ.—Опредѣленіе въ инфиму.—Мои невзгоды.—Школьные порядки.—Ученіе мое въ 3 классѣ—„грамматикъ“ и въ 4-мъ классѣ—въ „синтаксисѣ“.—Переходъ въ „риторику“ и въ „философію“.

Въ началѣ сентября 1836 г. насъ повезли въ Переяславъ. Мать рѣшила отдать насъ въ духовное училище, такъ какъ на старшихъ братьяхъ убѣдилась, что въ свѣтскихъ уѣздныхъ училищахъ нѣтъ за дѣтьми никакого надзора; вслѣдствіе чего дѣти балуются, а воспитывать въ гимназіи, вдали отъ дому, она не имѣла никакой возможности. И вотъ отправились мы съ матерью къ смотрителю училищъ, которымъ въ то время былъ священникъ или быть можетъ протоіерей Діомидовъ. Смотритель велѣлъ прочитатъ какой-то псаломъ. Братъ выдержалъ экзаменъ, а я споткнулся на тѣхъ же титлахъ и словотитлахъ. Къ счастью или къ несчастью, кадушка масла, которую за нами принесъ къ смотрителю кучеръ, послужила, повидимому, сильнымъ аргументомъ для убѣжденія въ моей способности проходить курсъ инфимы.

Мы были приняты въ училище. Мать оставила насъ на квартирѣ вмѣстѣ съ учителемъ нашего класса, прикомандировали бабу Оксану малу, названную такъ въ отличіе отъ Оксаны великой, молодой дѣвушки, состоявшей кухаркой у дѣдушки. Баба Оксана по плану, предначертанному матерью, должна была отводить дѣтей въ училище и варить обѣдъ изъ продукта, который доставлялся изъ дому, за исключеніемъ мяса, которое покупалось каждый день. Фунтъ мяса платился всего 1½ коп. или три гроша. Учитель нашъ оказался, по нашему понятію, очень добрымъ; потому что любилъ больше спать да бесѣдовать съ дочерью хозяйки, а на насъ мало обращалъ вниманія. Тяжелой мнѣ, однако, на первое время показалась школа. Во-первыхъ, выдалась въ 1836 г. страшная зима, морозы были такъ сильны, что стекла трескались. Квартира холодная, а классы, въ которыхъ мы обучались, и совершенно не топились. Пришлось не мало страдать отъ холода. Не долюбливали насъ дворянъ и наши духовные сверстники, дразнившіе насъ *голопузыми дворянами*. Не легко приходилось, наконецъ, и ученіе наизусть свящ. исторіи въ особенности для меня, едва умѣвшаго читать по складамъ. Къ счастью классный учитель оказался добрый, никогда не спрашивалъ, да и трудно было ему заниматься съ дворянами, допускавшимися въ училище изъ милости, когда у него было въ классѣ до 200 учениковъ духовнаго званія. Бывало, однако, что

домашній мой учитель надумается спросить, знаешь ли урокъ, и тогда приходилось, какъ говорилось на тогдашнемъ школьномъ языкѣ, попробовать березовой каши. Не знаю, какими судьбами, но меня перевели безъ экзамена въ третій классъ, гдѣ я на первый годъ чуть не остался, да и вѣрно бы остался, если бы мать не догадалась поднести учителю 3-го класса головы сахару. Только благодаря такой находчивости матери мнѣ не пришлось оставаться на повторительный курсъ третьяго класса вмѣстѣ съ *новичками*, которые, при двухъгодичномъ курсѣ 3-го класса, попавши не въ курсъ, почти понапрасну сидѣли въ классѣ цѣлый годъ, такъ какъ учителю, при многолюдствѣ класса коренныхъ учениковъ, не было возможности заняться съ этими несчастными новичками.

Современные педагоги, привыкшіе имѣть въ классѣ не болѣе 40 человекъ, пришли бы въ ужасъ, если бы имъ пришлось работать въ классѣ, въ которомъ мнѣ приходилось учиться. Въ огромной комнатѣ, никогда не отапливаемой, собиралось болѣе двухсотъ учащихся. Раннимъ утромъ едва начинаетъ разсвѣтать, при 20-ти градусахъ мороза, сбѣгаютъ дѣти въ классъ и прежде всего начинаютъ бѣгать, бороться и играть въ *тѣсной бабы*, чтобъ согрѣться. Между тѣмъ приближается время прихода учителя. Аудиторы спрашиваютъ уроки у своихъ учениковъ. Получившіе отмѣтку не знаетъ (*nescit*) вызывались цензоромъ (старшимъ ученикомъ) еще до прихода учителя и по заведенному порядку должны были стать на колѣни. Крикъ, шумъ, толкотня! Получившіе неудовлетворительныя отмѣтки плачутъ, другіе бранятъ аудитора, а нѣкоторые грозятъ, что будутъ жаловаться на несправедливость. Наконецъ входитъ учитель. Шумъ утихаетъ. Начинается повѣрка аудиторскихъ отмѣтокъ. Господинъ учитель! взываетъ кто-нибудь изъ обиженныхъ, „я знаю урокъ, а мнѣ записали: не знаетъ“. Начинается спрашиваніе; ученикъ сбивается и сейчасъ получаетъ должное возмездіе въ видѣ десяти или двадцати розогъ; но бывало и наоборотъ. Жалоба оказывалась справедливою, и тогда кара постигала несправедливаго аудитора. Еще замѣчательнѣе диспуты о мѣстѣ въ классѣ. Сидѣвшій на одной изъ заднихъ скамеекъ объявлялъ, что лучше знаетъ все пройденное, чѣмъ какой-нибудь изъ учениковъ, сидѣвшихъ на первыхъ скамейкахъ.

И такимъ заявленіямъ учитель давалъ значеніе и не рѣдко устраивалъ диспутъ о мѣстѣ, въ видѣ экзамена обоимъ спорившимъ. При этомъ случались курьезы, что сидѣвшій на передней скамейкѣ ничего не зналъ, а аттестовался знающимъ, потому что умѣлъ задобрить репетитора. Тогда въ наказаніе назначалась учителемъ пересадка не выдержавшаго испытанія на заднюю скамейку.

Я бы могъ еще не мало сообщить курьезовъ о школьной жизни въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ тридцатыхъ годовъ, но ограничусь описаніемъ положенія несчастныхъ дворянъ, попавшихъ въ школу духовную того времени. Это были какіе-то паріи, надъ которыми потѣшались ихъ соученики; а начальство или ихъ совершенно игнорировало, или если и замѣчало ихъ пребываніе въ классѣ, то не затруднялось третировать ихъ, какъ людей лишнихъ. Были случаи и проскрипціи. Выгоняли изъ училища третьяго или пятаго по списку дворянина. Греческій языкъ то приказывали дворянамъ учить, то запрещали. Еще печальнѣе было положеніе дворянъ на урокъ географіи. Объ атласахъ мы не имѣли и понятія, а имѣли на огромный классъ одну карту, возлѣ которой предъ урокомъ собиралось до 50 человекъ. Только шустрый ученикъ, бывало, проберется къ самой картѣ, а мнѣ, по скромности моей, приходилось по большей части поднявшись на цыпочкахъ смотрѣть, что показываютъ изъ-за стѣны десятки счастливицевъ, успѣвшихъ захватить мѣста у карты.

Такъ шло мое образованіе въ третьемъ классѣ. Въ четвертомъ классѣ нѣсколько успѣшнѣе пошло мое ученіе, но здѣсь приходилось много работать по совершенному недостатку книгъ. Такъ, на примѣръ, приходилось переписывать латинскихъ классиковъ; потому что не было никакой возможности достать книгъ, такъ какъ книжной лавки ни въ городѣ, ни при семинаріи не было. Одно было хорошо. Въ пятомъ и шестомъ классахъ, т. е. въ риторикѣ и философіи хорошо учили писать, т. е. сочинять сначала небольшія произведенія въ родѣ хрій и маленькихъ разсужденій, а затѣмъ въ шестомъ классѣ перешли къ большимъ сочиненіямъ и цѣлымъ проповѣдямъ. Помню одну такую проповѣдь на „Господи воззвахъ“, съ которою я никакъ не могъ справиться, несмотря на то, что уединялся въ пещеркѣ, вырытой въ крѣпостномъ валу, который входилъ въ огородъ моего хозяина-оружейника. Въ этой же землянкѣ я изучалъ логику и философію или, лучше сказать, психологію; послѣдняя мнѣ давалась однако не безъ труда. Хорошъ былъ нашъ учитель-философъ съ орлинымъ носомъ и быстрымъ взглядомъ, низкаго роста, но довольно толстый. Это былъ профессоръ Бобинъ. Припомню одинъ эпизодъ изъ моихъ отношеній къ нему. Однажды я на урокъ по логикѣ, которая мнѣ вообще давалась легко, сидѣлъ и переписывалъ латинскій текстъ Цицерона. Бобинъ орлинымъ взглядомъ замѣтилъ, что я занимаюсь постороннимъ дѣломъ, и велѣлъ мнѣ, 18-лѣтнему философу, стать на колѣна. Я исполнилъ приказаніе, но долго проклиналъ въ душѣ вспыльчиваго педагога. При всемъ томъ, мало-по-малу я примирился съ нимъ въ душѣ и, главнымъ образомъ, благодаря его превосходнымъ разборамъ учени-

ческихъ сочиненій, а еще болѣе за его превосходныя лекціи. Бывало, сядетъ этотъ дивный ораторъ на кафедру и начнетъ свою лекцію звучнымъ и мелодическимъ басомъ. сидишь, слушаешь, боишься упустить нить его строгихъ логическихъ разсужденій. Еще не могу не вспомнить съ благодарностью другого учителя, протоіерея той самой церкви, гдѣ присягнулъ на подданство Богданъ Хмѣльницкій, церкви Пречистой, по фамиліи Андреевскаго. Этотъ превосходный преподаватель русской словесности первый положилъ основу моего развитія и научилъ владѣть перомъ. И что это былъ за добрый старикъ съ нѣжными розовыми щеками и совершенно бѣлой бородой, старикъ, способный увлекать своею рѣчью то спокойною, то живою и пламенною.

III.

Увольненіе изъ семинаріи.—Приготовленіе къ экзамену на должность учителя.—Поступленіе въ Лицей князя Безбородко.—Пребываніе въ Лицеѣ.

Наступилъ, однако, 18-ый годъ моей жизни въ 1844 г. На ваканціяхъ пріѣхали братья одинъ изъ Вильны Василій и другой Михаилъ, учившійся въ Москвѣ у дяди Тимоѣея Анисимова.—Насмѣшки старшаго брата и разказы про свѣтскія заведенія брата Михаила заставили меня подумать о будущемъ. Я не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ духовному званію, въ которое меня приняли бы съ удовольствіемъ, если бы только я заявилъ желаніе. Но въ то же время я видѣлъ бѣдственное положеніе матери, вошедшей въ долги для содержанія брата Николая въ Нѣжинскомъ Лицеѣ. Я составилъ планъ, какимъ образомъ поскорѣе выйти на свой хлѣбъ. Однимъ словомъ, рѣшился держать экзаменъ на званіе уѣзднаго учителя. Я много мечталъ объ этомъ, какъ мнѣ казалось тогда, самостоятельномъ поприщѣ. Я полагалъ, что, получая 200 р. въ годъ, тогдашнее жалованье учителя уѣзднаго училища, я буду имѣть возможность прожить въ свое удовольствіе. И не удивительно! Я платилъ за квартиру 25 руб. ассигнаціями въ годъ, да на приварокъ 25 р. ассигнаціями и былъ сытъ, всего въ годъ до 50-ти руб. ассигнаціями, а между тѣмъ 200 руб. составляли 700 руб. на ассигнаціи по тогдашнему счету. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, я убѣдилъ мать, что мнѣ въ семинаріи нечего больше дѣлать и послѣ ваканціи 1844 г. подалъ ректору семинаріи прошеніе объ увольненіи.

Уволившись, я началъ готовиться къ учительскому экзамену по исторіи и географіи, по наукамъ, которыя болѣе всего любилъ и которыми съ давнихъ поръ усердно занимался. Приготовленіе мое,

къ учительскому экзамену, шло, однако, весьма медленно. Главною причиною служило то, что я былъ приглашенъ на кондицію въ 20-ти верстахъ отъ дому, къ г-жѣ Гудиминой въ громадную семью, состоявшую изъ дѣтей отъ двухъ братьевъ покойнаго мужа Гудиминой. Мнѣ пришлось учить двухъ дѣвочекъ: одну около 15-ти лѣтъ, другую 12-ти лѣтъ и четырехъ мальчиковъ отъ 8—14 лѣтъ. Отъ меня потребовали, чтобъ я и училъ дѣтей, и гулялъ съ ними въ качествѣ дядьки или гувернера. Къ тому же во флигелѣ, гдѣ отвели для меня квартиру, помѣстили вмѣстѣ со мною четырехъ мальчиковъ: двухъ шалуновъ изъ моихъ учениковъ и двухъ малютокъ, которые хотя и не учились, но умѣли изрядно кричать и поднимать шумъ. Хозяйка моя помѣщица отъ 300 душъ, женщина еще не старая и довольно красивая собою, любила держать дѣтей и прислугу въ большомъ респектѣ, а на меня—наставника ея дѣтей, смотрѣла, какъ на платнаго лакея, который по ея словамъ „долженъ былъ отдаться своему дѣлу всею душою и сердцемъ“. И за всѣ эти труды съ 6-ю дѣтьми, ежедневно съ утра до вечера, положено было вознагражденіе всего двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ, или въ переводѣ на серебро въ тогдашнее время около 57 р. въ годъ.—Промучился я не мало, пока подготовилъ дѣтей такой щедрой хозяйки въ учебныя заведенія. Лѣтомъ она рѣшила отдать дѣтей въ учебныя заведенія въ Полтаву, куда она съѣздила и успѣла заручиться обѣщаніями. Мнѣ безъ церемоніи отказали отъ мѣста и даже не дали лошадей для возвращенія домой. Приходилось идти пѣшкомъ, если бы не подвезъ домашній докторъ хозяйки, военный врачъ Ланкевичъ, квартировавшій съ полкомъ въ г. Золотоношѣ, котораго сына я училъ безмездно, вмѣстѣ съ дѣтьми Гудиминой.

Возвратившись домой, я оставилъ планъ учительства, а рѣшился поступить въ Нѣжинскій Лицей кн. Безбородно, гдѣ уже три года обучался старшій братъ мой Николай, подъ конецъ страшно заболѣвшій ревматизмомъ. Едва началъ онъ оправляться отъ болѣзни, мы отправились въ Нѣжинъ. Экзаменъ мой для поступленія въ Лицей окончился благополучно, хотя и не безъ нѣкоторой задержки по математикѣ, въ которой я былъ слабѣе другихъ предметовъ. Я нашелъ кондицію у генеральши Хорошкевичевой, у которой за столъ и квартиру занимался съ однимъ мальчикомъ, ученикомъ 3-го класса гимназій, и имѣлъ достаточно времени работать и на себя. Въ это время Лицей представлялъ заведеніе смѣшанное: не то словесное, не то юридическое. На первомъ курсѣ я слушалъ два юридическіе предметы: энциклопедію законовѣдѣнія и государственные законы. Остальные предметы были словесные: словесность, русская исторія и новые языки. На послѣдніе я обратилъ все вниманіе такъ какъ

въ семинаріи, хотя и пробовалъ ихъ изучать, по слухая ихъ отъ учителей семинаріи, которые сами знали не много, я едва умѣлъ читать. Я началъ сильно работать по языкамъ, задавшись сознаниемъ необходимости заучивать какъ можно больше словъ. Я вставалъ въ четыре часа, до 8-ми час. могъ свободно трудиться надъ усвоеніемъ словъ и скоро сравнялся съ моими товарищами, учившимися новымъ языкамъ въ теченіе всего гимназическаго курса. т. е. не менѣ семи лѣтъ, а во время курсовыхъ экзаменовъ успѣлъ даже послужить хорошей рекомендаціей для лектора Лицея Клернета, дѣйствительно превосходнаго учителя нѣмецкаго языка.

А. Ө. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

